

ПОДВИГ

Учил героев летать

Жарким летом 1941 года закончивший первый курс Ленинградского института авиации Александр Ключанский строил радужные планы. Профессию он выбрал интересную, да и преподаватели смогли настолько увлечь ребят, что все их мысли были о том, что уже осенью на практике они наконец-то поднимут в поднебесье самолеты, на деле познают законы аэродинамики, которые так необходимы будущим инженерам-конструкторам. Но 22 июня внесло коррективы в надежды и планы всего многомиллионного населения Советского Союза. Александра призвали в армию. С первых дней войны он рвался на фронт. Но его отправили не на передовую, а в глухой тыл — в Оренбург, в Чкаловское военное летное училище имени Ворошилова (ныне им. Гагарина). Здесь Александр должен был завершить обучение, начатое в институте, стать настоящим профессионалом в летном деле.

Два года денно и нощно занятия в классах сменялись учебными полетами, боями с условным противником.

И вот долгожданный выпуск — на плацу перед командованием полка 100 летчиков, готовых сию минуту ринуться в бой, — делится воспоминаниями ветеран Великой Отечественной. — Так было тогда на самом деле — молодых и старых, юношей и девушек объединяло одно желание — поскорее избавиться от ненавистного врага. Каждого выпускника училища, попавшего по распределению на передовую, по рассказам, встречали аплодисментами. Я, как и другие, с нетерпением ждал — где же мне суждено бить фашистов. Но уже был зачитан почти весь список, а фамилии лучших курсантов еще не называли.

Александр и девять его товарищей в напряжении замерли.

— Решением главного командующего Сталина, — объявил генерал авиации, начальник училища Скоробух, — закончившие обучение с отличием остаются прикомандированными в летном училище. Они назначаются летчиками-инструкторами и будут обучать новое пополнение, — как гром среди ясного неба прозвучал приказ.

Такого поворота событий Ключанский и его соратники не ожидали. Едва прозвучала команда разойтись с торжественного построения, они дружно отпрянулись проситься на фронт. Но генерал был не-

умолим. Отругав парней за несознательность, он долго объяснял им, что их вклад в победу над врагом будет меньшим, чем у тех, кто будет вести бои в небе. Так начались у молодого летчика инструкторские будни.

Взлет — посадка, ориентирование в зоне пилотирования, как правильно рассчитать траекторию полета, попадания в цель при бомбардировках и обстрелах снарядами, как действовать в составе эскадрильи, чтобы не подставил под вражеский огонь своих, уцелеть самому да нанести как можно больший урон противнику.

За два месяца надо сделать из мальчишек, изучивших лишь азы теории полетов, настоящих асов, который сразу после летной школы придется вести бои с "бубновыми тузами" Геринга. Учебные полеты проходили в любое время суток, при любых погодных условиях. Как передать за столь короткое время им все свои знания?

— Ребята учились быстро, — рассказывает Ключанский, — практически у всех было непреодолимое желание покорить небо, а потому они, как губка, жадно впитывали в себя все, что им рассказывали, точно выполняли все команды. За год я поднимал на "кры-

лья" по 30—40 "птенцов". Они уже умело управляли гордостью тогдашнего авиастроения — штурмовиками "ИЛ-2".

На вооружении каждой боевой машины было 600 килограммов бомб, две 37-миллиметровые пушки и двенадцать реактивных снарядов. Вчерашние мальчишки с помощью такой грозной машины сбивали вражеские самолеты, бомбили фашистские аэродромы, заводы и фабрики по производству оружия.

Среди бывших учеников Александра Дмитриевича немало Героев Советского Союза, а на его груди сверкают ордена Красной Звезды и медаль "За боевые заслуги" — по его мнению, самые ценные из тех, что получил на протяжении жизни.

Когда закончилась война, Александр не смог расстаться с небом и военными самолетами. Он закончил Московскую академию авиации и снова стал обучать летному делу. Теперь к нему на практику чаще приходили не желторотые юнцы, а заслуженные воины-офицеры. Среди них и наш земляк, дважды Герой Советского Союза Никишин из Новосибирия. Летчики осваивали новую технику — реактивные "МИГи". Не только соотечественникам он "дарил крылья", пришлось учить летать на наших самолетах и офицеров дружественной Северной Кореи.

Судьба не раз бросала его из одной воинской части в другую, но всегда рядом была верная подруга — супруга Лидия Семеновна, с которой познакомился сразу после войны, еще в Чкалове (Оренбурге). Она делила его нелегкие будни военного летчика. А когда пришлось уходить в отставку, позвала к себе на родину — в старинный Болхов. Штурман полка Ключанский, майор военной авиации в отставке, и здесь нашел себе дело по душе — снова стал учить мальчишек и девочек, но теперь мирным профессиям — в СПТУ №17 он преподавал историю, политэкономии, обществознание. И сегодня, встречая в городе своих выпускников, он слышит от них лишь слова благодарности, которые греют сердце бывшего летчика.

Елена СЕМЕНОВА, г. Болхов.

Они приближали Победу

Хочу рассказать молодым о том, как в грозные годы Великой Отечественной войны их сверстники трудились наравне со взрослыми.

Уже на второй день войны все орловские предприятия были переведены на круглосуточный режим работы. Вместо ушедших на фронт мужчин к станкам встали женщины и подростки 10—14 лет. На заводах часто работали в две смены. Под свистом вражеских бомб рыли противотанковые рвы и окопы. Победу приближали не только те, кто был на линии фронта, но и те, кто остался в тылу. Нас, тружеников тыла, наградили медалями к 60-летию Победы. Это память на всю оставшуюся жизнь, спасибо!

Около двух лет стонала орловская земля

под игом фашистской оккупации. После освобождения измученные, истощенные жители начали восстанавливать город, лежавший в руинах. Уже в октябре 1943 года в Орле работало 26 предприятий. Люди помогали раненым, находящимся в госпиталях, несли для них продукты. В области было собрано 23,5 миллиона рублей на строительство танковой колонны имени Орловских партизан.

И, наконец, Победа. За нее сражались не только воины, но и миллионы тружеников тыла. В это время проявился патриотизм всех жителей страны, которые ни сил, ни жизней не жалели для освобождения Родины. Очень хочется, чтобы молодежь не забывала нашей истории, помнила о подвиге старших поколений.

Е. П. ВЛАСОВА, ветеран труда, труженик тыла. Стрелецкий Орловского района.

Не забывается такое никогда

До войны в нашем селе Никольском Свердловского района было больше 1200 дворов. Был колхоз им. Ленина, МТС, работали три школы, детский сад, амбулатория, клуб.

Фашисты, как смерч, ворвались в село. Отбирали вещи, убивали скотину. Тех, кто сопротивлялся, расстреливали, а дома поджигали. В первые месяцы оккупации были зверски замучены председатель сельсовета Василий Лисов, активисты Прасковья Чижнова, Михаил Левичев. Народ при каждом появлении зверей в зеленых шинелях с бляхами на груди и автоматами в руках прятался

где только можно. Наступили кошмарные месяцы. Для укрепления немецкого порядка в село приехал командант Нейман. Начались аресты.

У нас в доме был приемник. По вечерам папа (ему тогда было 60 лет) слушал его через наушники, а потом рассказывал односельчанам новости с фронта. По специальности папа был учителем и до войны работал в школе. Немцы все звали его преподавать в свою гимназию, но папа отказывался. Тогда нас выгнали из дома. Там стал жить немецкий генерал. 8 мая 1942 года папу и брата увели на допрос каратели. К

Когда началась война, мне было 11 лет. Запых войны пришел в нашу деревню Большое Сотниково Урицкого района. Немцы по указке старосты отобрали у нас всю домашнюю живность — корову, овец, поросенка, кур. Но мы надежды не теряли, знали: придут наши и освободят. В 12 лет я умел делать все, как настоящий мужчина: пахал землю, сеял зерно, выривал урожай. Надеялся, что собирать его мы будем уже без немцев. Но в 1943 году наша деревня была сожжена, а жителей под конвоем с собаками лесами и болотами погнали

в сторону Брянска. А затем — в Белоруссию. Там мы рыли окопы. Один раз в день немцы привозили хлеб из опилок и бросали буханки в голодную толпу землекопов. В декабре Красная армия

освободила Гомельскую область. Нас привезли обратно в Большое Сотниково. Усадьба была опустошена. Есть было нечего. Боролись с голодом и холодом, питались порой подаянием, выживали.

Н. И. КОЖЕНКОВ, г. Орел.

уэнбург, который был расположен недалеко от берега Балтийского моря. Таким образом мы замкнули кольцо окружения Кёнигсберга. Артебригады заняли позицию на северной окраине Фраунзбурга, около поликлиники, на пятом этаже которой располагался наш наблюдательный пункт. Пушки направляли на восток. Ни нашей пехоты, ни танков поблизости не было, но нам приказали продолжать суетки. Боеприпасов хватало.

Во второй половине дня немцы попробовали вырваться из окружения. Пехота наступала при поддержке танков и артиллерии. Их было много. Стрелять по врагу мы начали с расстояния 500 метров. 12 орудий открыли беглый огонь. Стволы пушек так накалились,

что до них нельзя было дотронуться. Атаку мы отбили. До 11 часов следующего дня немцы трижды пытались прорвать блокаду, а потом наступила гребовая тишина.

Я получил приказ занять высоту, господствовавшую над полем боя. Пока было можно, ехали на машине, а ближе к немецким окопам передвигались по-пластунски, чтобы развеять позицию. На высоте осматривался — до немцев 300 мет-

ров. Установить здесь орудие можно было только ночью. На обратном пути попали под немецкий артобстрел. Укрылись в подвале разрушенного дома. Там неожиданно наткнулись на немецкого автоматчика. Мой подчиненный, Ромашенко, выстрелил первым. Это был мой последний бой.

И. К. ЛОСКУТОВ, инвалид Великой Отечественной войны. Троснянский район.

Иван Силаев, который был назначен руководителем Ставки. Он приказал разослать по всем частям и учреждениям, работающим на зараженной территории, правительственную телеграмму та-

нам пришел староста и сказал, чтобы я бежала к немцам и просила отпустить родных, т.к. вечером будет расстрел. Oberлейтенант Римберг (немец из Поволжья) разрешил мне проститься со своими, но сказал, что в живых их оставить не может.

Арестованных держали в школе, в учительской. Там были все 13 сельских коммунистов. Папа сидел в углу. Я заплакала, а он попросил меня беречь младшую сестру и слушать маму...

М. Т. ПОЛИКАРОВА, г. Орел.

И. И. КОЖЕНКОВ, г. Орел.

что до них нельзя было дотронуться. Атаку мы отбили. До 11 часов следующего дня немцы трижды пытались прорвать блокаду, а потом наступила гребовая тишина.

Я получил приказ занять высоту, господствовавшую над полем боя. Пока было можно, ехали на машине, а ближе к немецким окопам передвигались по-пластунски, чтобы развеять позицию. На высоте осматривался — до немцев 300 мет-

20 лет назад в Чернобыле

Я, полковник медицинской службы в отставке, инвалид-чернобылец Валерий Иванович Рачин, хочу рассказать своим землякам, что происходило в первый месяц после катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Третьего мая 1986 года я получил сигнал "Сбор" и немедленно прибыл к месту службы. Меня тут же вызвали в кабинет начальника окружного военного госпиталя, где находились начальник медицинской службы округа полковник В. Н. Дронов и другие офицеры. Виктор Николаевич хорошо знал меня, поскольку в течение шести лет мы обучались на одном курсе в Военно-медицинской академии.

Он сказал буквально следующее: "Валера, нужна твоя помощь. Предстоит выполнить важное правительственное задание, связанное с катастрофой на ЧАЭС. Уже идет формирование медицинских частей, а многие командиры не имеют соответствующего опыта. Ты включен в состав оперативной группы Белорусского военного округа. Действуй по обстоятельствам. Основная задача — оказание помощи пострадавшему населению и военнослужащим, работающим в зоне отчуждения. Более подробной информации нет. Ознакомься с обстановкой на мес-

те. Опыт и знания у тебя есть". Затем было построение у штаба БВО. Командующий войсками округа заявил от имени Правительства Союза ССР, что, если кто-то заболел, будут приняты любые меры для лечения, вплоть до направления за границу.

В ночь с 3 на 4 мая мы отбыли для выполнения поставленных задач.

Проблемы возникли сразу. В числе медицинских персонала оказались беременные женщины на ранних сроках, а также те, кто вышел замуж за несколько месяцев до катастрофы. Превышение в зоне неизбежно отразилось бы на будущих детях. Ценой огромных усилий с помощью командования округа мне удалось возвратиться домой несколько сотен таких женщин, а также воспитательниц детских садов и учительниц начальной школы, которых наспех перемещали в "медсестер".

После изучения обстановки было принято решение в составе медицинских батальонов развернуть два госпитальных отделения, мощную лабораторию с привлечением опытных

врачей из медицинских частей и госпиталей округа. Оперативная группа работала по 18—20 часов в сутки. Об отдыхе, сне и собственном здоровье никто не думал. Я постоянно перемещался от одного медицинского учреждения к другому.

Бывали случаи, похожие на анекдот, — хотя смешного в том мало. Так, один из медицинских пунктов получил в свое распоряжение кирпичное здание школы. В нем разместились медицинский персонал, а пострадавших (в том числе очень тяжелых) обследовали

почему-то в палатке. Пришлось срочно вмешаться и, используя крепкие непечатные выражения, объяснить коллегам, что надо сделать все наоборот.

Индивидуальных дозиметров у нас не было, а из коллективных — только отечественные ДП-5М, дающие погрешность до 40 процентов. Но даже эти приборы часто зашкаливали при измерении уровней радиации в районах работы. Однако при убитии из зараженной зоны всем военнослужащим и резервистам, работающим на аварийном блоке и вблизи от него, в документах записали дозу облучения не более 24 рентген.

Например, я получил, по документам, дозу в 11 рентген. Некоторые командиры и начальники штабов вообще не внесли необходимые записи в военные билеты и удостоверения личности. В результате многим заболевшим чернобыльцам было трудно доказать связь заболевания с радиационным поражением, а точнее, с участием в ликвидации аварии.

Медико-социальные комиссии очень неохотно записывали такие формулировки в выдаваемые справки. Некоторые чернобыльцы до сих пор борются за свои права на льготы.

Никаких средств индивидуальной защиты в первые недели после катастрофы не было. Отсутствовали даже простые респираторы. Встретился я и с фактами, которые нельзя назвать иначе, как грубая ошибка. В зараженную зону были введены воинские части, состоящие в основном из молодых ребят. Их присутствие там не было оправдано никакими соображениями.

Ликвидация последствий должны были проводить специалисты, а не чернорабочие с лопатами в руках. Личный состав этих частей занимался строевой подготовкой — и это на песчаном грунте в зоне отчуждения!

Исправить что-либо было невозможно, поскольку прилетающие из Москвы (на несколько часов) руководители высокого ранга заботились больше о получении сведений и статистических данных для своих диссертаций, чем об оказании помощи пострадавшему населению и военнослужащим, работающим в зоне отчуждения.

Но мудрый человек нашелся. Иван Силаев, который был назначен руководителем Ставки. Он приказал разослать по всем частям и учреждениям, работающим на зараженной территории, правительственную телеграмму та-

кого содержания: "Командирам частей и подразделений, начальникам учреждений, участвующих в ликвидации последствий катастрофы. При получении распоряжений, приказов и указаний от проверяющих, инспектирующих и других лиц об изменении режима и порядка работы, перемещении и так далее — не приступать к выполнению, не получив подтверждения "Волнореза" (позывной Ставки)".

Это значительно облегчило нашу работу, хотя конфликты с высокими чинами из Москвы продолжались.

Не знаю, кем изначально было принято решение считать зоной отчуждения территорию в 30 километров по радиусу. Исходя из практики вижу, что это грубейшая ошибка. Например, в белорусском городе Брагине, который расположен в 43 километрах от станции, уровень радиации был значительно выше, чем в Пирках, находившихся внутри 30-километровой зоны.

Вообще все крупные населенные пункты, как правило, признавались годными для проживания, а отселение проводилось из небольших сел и деревень. И только значительно позже высокие уровни радиации были обнаружены да-

леко от 30-километровой зоны: в Могилевской, Гомельской областях Белоруссии, в Брянской, Калужской, Орловской областях и других местах.

За время пребывания на зараженной территории удалось сделать многое, но многое и не удалось, несмотря на все предпринятые усилия.

Прошло 20 лет после чернобыльской катастрофы, но еще долгие годы люди будут помнить о ней, лечить тяжелых инвалидов без надежды на успех, хоронить умерших. Мы честно выполнили свой воинский и врачебный долг. Из моей оперативной группы, а это десять человек, в живых остался один я, и то только потому, что, будучи врачом, я вовремя принял известные мне меры по выведению радионуклидов из организма. (Рецепт опубликован в "Орловской правде" 31 марта 2006 года).

Но, несмотря на все наши очевидные заслуги, остаются нерешенными проблемы с медико-социальной экспертизой чернобыльцев. Врачи-эксперты, на мой взгляд, недостаточно изучили чернобыльскую патологию. При этом они порой произвольно изменяют диагнозы, установленные опытными врачами второй областной поликлиники и подтвержденные лабораторными, функциональными и другими исследованиями. Хотелось бы более внимательного отношения к тем, кто пострадал при ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.